

КОДЕКС КЛИНКА И СТВОЛА

КОНЮШЕНКО ЕГОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Конюшенко
Кодекс Клинка и Ствола

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Кодекс Клинка и Ствола / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Две планеты — два мира. На Земле бессмертие покупается кровью: каждый прожитый год можно отнять у другого на дуэли, и общество с улыбкой называет это равновесием. На Верданте бессмертия нет: колонисты живут в среднем сорок семь лет, погибая от болезней и атак чужой фауны, но умирают свободными. Кир Азарнов с Земли и Лина Азарнова с Верданта — кровные родственники, которых судьба развела по разные стороны галактики, а потом столкнула в одной точке. Когда военный корабль Конкордата нависает над колонией с приказом уничтожить беглецов, обоим предстоит выбрать: подчиниться системе, давшей им жизнь, или сломать её ценой всего, что у них осталось. Но если твоя жизнь — валюта, то сколько ты готов заплатить за свободу? Особые благодарности: Скворцову Максиму с Author.Today за то что натолкнул меня на идею данного романа.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Триста лет весны	5
Глава 2. Кодекс и кровь	12
Глава 3. Анатомия вечной вражды	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Егор Конюшенко

Кодекс Клинка и Ствола

Глава 1. Триста лет весны

Центральный парк Чести встретил их запахом разогретой синтетической травы и озонированного воздуха — невидимые генераторы чистили атмосферу над ристалищем, чтобы зрители не дышали пороховой гарью и кровью. Это считалось заботой Конкордата о комфорте граждан, и Кир Азарнов, стоя в четвёртом ряду от бронзового ограждения, рассеянно подумал, что запах крови он всё равно чувствует — может быть, тот шёл не извне, а изнутри, из памяти тела, обученного узнавать смерть раньше, чем её объявит нотариус.

Трибуны гудели. Сдержанно, благопристойно, как полагалось при официальной дуэли по полной форме Кодекса, но всё же гудели — две с половиной тысячи зрителей, допущенных на ристалище по билетам, распространявшимся через клановые канцелярии. Над ареной висели четыре голографических табло, транслировавших крупные планы дуэлянтов и главное — два столбца хронос-баланса, белые цифры на чёрном фоне, обведённые золотом. Яра Азарнова: 247 лет 3 месяца 18 дней. Алина Зар-Танина: 312 лет 9 месяцев 2 дня. Счётчики обновлялись в реальном времени, подключённые к биохран-чипам обеих женщин, и каждая секунда, утекавшая с момента объявления дуэли, методично вычиталась из гарантированного остатка — словно смерть уже запустила секундомер и теперь лишь ждала, когда можно будет выставить окончательный счёт.

— Она нервничает, — сказал Вадим, не поворачивая головы.

Кир проследил за его взглядом. Яра стояла у барьера, отделявшего зону ожидания от боевого круга, и проверяла барабан своего «Картеля» — короткоствольного револьвера с воронёным корпусом, главного оружия дуэльного кодекса. Её пальцы двигались чётко, но плечи были подняты слишком высоко, а губы сжаты в тонкую линию. Кир знал эту её привычку с детства — Яра всегда поджимала губы, когда боялась, что её страх станет заметен. Ей было двадцать три, и она ни разу не убивала.

— Она злится, — ответил Кир. — Это не одно и то же.

— На ристалище одно и то же. Злость сужает зрачки, а суженные зрачки — это лишняя десятая доля секунды на распознавание движения противника. Ты бы знал это, если бы слушал инструктора, а не мечтал о подвигах.

Кир промолчал. Вадим был старше на двенадцать лет и говорил с ним всегда одним тоном — ровным, почти механическим, как зачитывают строевой устав. После академии Хронос-Корпуса он вообще перестал выражать эмоции иначе, чем через ссылки на протоколы, и Кир иногда сомневался, остался ли в его брате человек или только офицерская оболочка с чипом, аккуратно отсчитывающим положенные триста лет. Но сейчас было не до семейных тренировок — Яра вышла в круг, и нотариус, облачённый в серую мантию с серебряным шитьём по вороту, начал зачитывать формулу.

— Именем Хронос-Конкордата и Кодекса Клинка и Ствола, редакция двести восемнадцатого года, параграф двенадцатый, пункт четвёртый, объявляется официальная дуэль чести между гражданкой Ярой Азарновой, клан Азарновых, и гражданкой Алиной Зар-Таниной, клан Зар-Таниных. Причина вызова: публичное оскорбление, зафиксированное свидетелями и подтверждённое записью биохран-чипов, — нотариус сделал паузу, и табло над его головой вывели фрагмент стенограммы из ресторана, где Алина Зар-Танина назвала Яру «бесплодной сукой из вырождающейся ветви». Трибуны одобрительно зашелестели: оскорбление признали достаточным. — Оружие: короткоствольное огнестрельное, модель «Картель-4», калибр девять

миллиметров. Условия: бой до первой крови или до остановки биохран-чипа одного из участников. Передача хронос-остатка победителю в полном объёме за вычетом нотариального сбора в пользу Конкордата.

— До первой крови, — прошептал Кир, сам не зная, обращается ли к Вадиму или к какому-то божеству, в которое не верил. — Она может выжить. До первой крови — это не обязательно смерть.

— Она выбрала «Картель», а не клинок, — ответил Вадим всё тем же ровным голосом. — Из огнестрельного до первой крови почти не бывает. Ты это знаешь. Она знает. Все знают. Гонг ударил.

Женщины разошлись на положенные десять метров. Секунданты — по одному с каждой стороны — подняли белые флажки, подтверждая готовность. Нотариус вскинул руку и резко опустил её. Яра выстрелила первой — Кир увидел вспышку, услышал хлопок, а затем второй, почти слившийся с первым. Голограммы задрожали, перестраивая фокус.

Яра стояла, всё ещё держа револьвер на вытянутой руке. Пуля ушла в плечо Алины Зар-Таниной — кровь расплзлась по белой блузе, табло рядом с именем противницы мигнуло, но баланс не остановился. Алина пошатнулась, но не упала. Её ответный выстрел был точнее: пуля вошла Яре под подбородок и вышла через затылок, разбрызгав по синтетической траве то, что ещё секунду назад было лицом его сестры. Тело рухнуло, ещё до того, как мозг успел осознать смерть, а биохран-чип на запястье вспыхнул алым — тем самым сигналом, который означал полную остановку и обнуление.

Табло над головой Алины Зар-Таниной дёрнулось, пересчитывая столбец: 312 лет 9 месяцев 2 дня плюс 247 лет 3 месяца 18 дней. Итоговая сумма загорелась золотом под одобрительный гул трибун. Где-то в динамиках заиграла короткая торжественная мелодия — стандартный протокол завершения успешной дуэли. Кир смотрел на тело сестры, распостёртое на искусственной траве, и думал только о том, что ей было двадцать три, а впереди оставалось почти двести семьдесят семь лет, которые теперь принадлежат женщине, назвавшей её бесплодной сукой. Женщине, которая уже принимала поздравления от своего секунданта и прижимала к ране кровоостанавливающий пластырь, улыбаясь — не злорадно, а скорее устало, как улыбается человек, только что закрывший неприятный, но необходимый рабочий вопрос.

— Зафиксировано, — произнёс нотариус, и его голос разнёсся над притихшими трибунами. — Дуэль завершена. Победитель — гражданка Алина Зар-Танина. Хронос-остаток переведён. Клан Азарновых имеет право объявить вендетту в течение тридцати стандартных суток с момента данной фиксации. Да хранит Конкордат равновесие.

— Да хранит Конкордат равновесие, — эхом отозвались трибуны, и Кир, сам не заметив как, повторил эти слова вместе со всеми. Губы произнесли их автоматически — пятнадцать лет школьных линеек, еженедельных церемоний, обязательных клятв. Он произнёс их и тут же возненавидел себя за это.

Вадим положил руку ему на плечо — тяжёлую, в форменной перчатке Хронос-Корпуса.

— Пойдём. Совет соберётся через три часа. Тебе нужно быть там.

— Я не хочу быть там. Я хочу, чтобы она была здесь.

— Она здесь, — сказал Вадим, и Кир впервые за весь день услышал в его голосе что-то, отдалённо напоминающее эмоцию. — Двести сорок семь лет, три месяца и восемнадцать дней, которые текли в ней, теперь текут в другой. В этом смысл равновесия. И в этом смысл мести, которую ты, я полагаю, захочешь осуществить.

Кир ничего не ответил. Он стоял и смотрел, как санитары в серых комбинезонах укладывают тело Яры на антигравитационные носилки. Табло над ареной уже гасило — одно за другим, словно театральные софиты после спектакля. Пахло озоном и кровью, и синтетическая трава, смывая пятна, тихо шипела под струями автоматических оросителей, уже включившихся по расписанию. Через два часа здесь должна была состояться следующая дуэль — клан

Морозовых против клана Шаховских, клинковое оружие, повышенная ставка хронос-налога. Расписание висело тут же, у входа в Парк, отпечатанное на голографической доске: десять утра, двенадцать дня, два часа пополудни, четыре, шесть, восемь. Восемь дуэлей в день только в этом парке, только в этом городе, только на этой неделе.

Кир отвернулся и пошёл к выходу. Вадим шагал рядом, молчаливый, как статуя, и где-то на периферии сознания Кир уже понимал: этот день станет первым днём его собственной войны. Войны, в которой он либо умножит свой хронос-баланс до небес, либо обнулит его, как только что обнулился баланс его сестры. Третьего не дано — Кодекс не предусматривал компромиссов.

Где-то за спиной, уже приглушённый расстоянием и шумом города, в последний раз прозвучал голос нотариуса, объявлявшего следующую дуэль. И снова — «Да хранит Конкордат равновесие», произнесённое двумя тысячами глоток. Кир не обернулся. Он думал о том, что равновесие — это когда убитых ровно столько же, сколько живых, и что в этом уравнении, наверное, действительно есть какая-то чудовищная математическая красота, которую он пока не способен оценить.

Он боялся, что когда-нибудь оценит. И этот страх был сильнее горя.

Родовое поместье Азарновых стояло на холме, на который не распространялась юрисдикция городских планировщиков, — старый дом из потемневшего дерева и армированного стекла, единственное здание в радиусе десяти километров, не перестроенное по типовому проекту Хронос-Конкордата. Клан приобрёл его ещё в эпоху Национальных Государств, когда войны велись танками и ракетами, а не пистолетами и мечами, и с тех пор каждое поколение добавляло что-то своё: южное крыло с бальным залом, подземный тир, оружейную мастерскую, башню для астрономических наблюдений, которая теперь служила постом охраны. Над главным входом, прямо под гербом — перекрещённые клинок и ствол на фоне песочных часов, — висела голографическая доска почёта, транслировавшая имена десяти лучших дуэлянтов клана с их текущим хронос-балансом. Первое место занимал троюродный дядя, которого Кир никогда не видел: девять тысяч четыреста лет, и цифра продолжала расти каждые несколько месяцев. Второе — покойный отец, баланс остановился на отметке в две тысячи сто тридцать два года одиннадцать месяцев шесть дней, и эта строчка горела серым, цветом вечной заморозки.

Кир прошёл под доской почёта, не поднимая головы. Вадим шагал слева, по-прежнему в форме, хотя формально находился в увольнительной. Большой зал совета встретил их тишиной, нарушаемой лишь потрескиванием дров в камине — настоящим, дровяном, не имитации; Азарновы могли себе позволить такое нарушение экологического кодекса, потому что их хронос-фонд входил в первую сотню планетарного рейтинга, а это давало привилегии.

Длинный стол из морёного дуба был рассчитан на тридцать шесть мест — по числу боевых ветвей клана. Сегодня заняты были двадцать восемь. Старейшины сидели, выпрямив спины, положив руки перед собой, как предписывал этикет клановых собраний: ладони вниз, если пришёл с миром, ладони вверх — если намерен оспаривать решение. Все ладони лежали вниз. В центре, напротив пустующего кресла главы, стояла мать Кира — Элисса Азарнова, вдова покойного дуэлянта, убитого семь лет назад на ристалище в Осаке. На ней было чёрное платье без украшений, единственным цветным пятном служил браслет биохран-чипа, светившийся мягким золотом — её собственный баланс составлял около четырёхсот лет с учётом вдовьей доли, унаследованной от мужа. Она не плакала. Женщины клана Азарновых не плакали на советах — это считалось дурным тоном, ухудшающим переговорные позиции.

— Прошу всех встать, — произнёс секретарь совета, сухой старик с обнулённым чипом (добровольно обнулённым, что случалось редко и означало полный отказ от участия в дуэлях),

занимавший должность хранителя протоколов уже шестьдесят лет. — Зачитывается официальная запись дуэли номер семь-четыре-один-девять-три-восемь-два, состоявшейся сегодня, четырнадцатого марта две тысячи сто восемьдесят девятого года, в Центральном парке Чести, город Хронос-Центральный.

Он активировал проектор, и над столом развернулась голографическая копия протокола — те же цифры, что Кир видел на ристалище, но теперь дополненные сухими строчками медицинского заключения, баллистической экспертизы и свидетельских показаний. Секретарь читал медленно, смакуя каждое слово, будто зачитывал не смерть члена клана, а квартальный отчёт о надоях молока. Кир смотрел на голограмму Яры — её официальное изображение из базы данных, сделанное при последней регистрации чипа: улыбающаяся, с распущенными волосами, в белой блузке. Живая.

— Время смерти: пятнадцать часов сорок две минуты по местному времени. Причина смерти: проникающее огнестрельное ранение черепной коробки с разрушением стволовых структур головного мозга. Смерть констатирована на месте. Хронос-остаток в размере двухсот сорока семи лет трёх месяцев восемнадцати дней переведён на счёт победителя, гражданки Алины Зар-Таниной, за вычетом нотариального сбора в размере двенадцати процентов, что составило двадцать девять лет семь месяцев девятнадцать дней. Итоговый трансфер: двести семнадцать лет восемь месяцев минус один день.

— Минус один день, — повторила Элисса Азарнова, и её голос, ровный и холодный, разнёсся под сводами зала. — За вычетом дня смерти. Конкордат не дарит даже полных суток. Это следует записать.

Секретарь послушно кивнул и сделал пометку в планшете. Кто-то из дальних родственников — Кир не разглядел, кто именно, — тихо выругался сквозь зубы. На него зашикали. Протокол продолжался.

Когда чтение закончилось, старейшины по очереди высказались. Говорили коротко, формулами: «Утрата признана неприемлемой», «Честь клана задета», «Требуется ответная мера». Никто не спрашивал, стоило ли Яре вызывать Алину Зар-Танину из-за оскорбления в ресторане. Никто не упоминал, что Яра могла отказаться, что Кодекс позволял урегулировать конфликт через извинения или денежную компенсацию. Это было неважно теперь, когда её чип обнулится, а цифры перетекли в чужой столбец. Важен был только баланс — баланс клана, баланс чести, баланс крови.

Элисса поднялась. Кир заметил, что её пальцы, сжимавшие край стола, чуть побелели, но голос оставался таким же ровным, как у нотариуса на ристалище.

— Клан Азарновых, согласно параграфу девятнадцатому Кодекса Клинка и Ствола, объявляет кровную месть клану Зар-Таниных. Цель вендетты: гражданка Алина Зар-Танина, непосредственный исполнитель, или, в случае её недоступности, любой член клана Зар-Таниных, выбранный в качестве законной цели Большим советом клана Азарновых. Исполнитель вендетты будет назначен в течение тридцати стандартных суток. Запись объявления передаётся в центральный реестр Конкордата.

Она села. Секретарь зафиксировал объявление и вывел на главный экран обновлённый статус межклановых отношений: Азарновы — Зар-Танины: активная вендетта, фаза первая. Ниже шёл длинный список других кланов, с которыми Азарновы уже находились в состоянии кровной мести: Мирзоевы (фаза третья, шесть убитых с каждой стороны), Ковальчуки (фаза вторая, два убитых), Эспинозы (фаза первая, только что начатая кем-то из южноамериканского крыла). Кир читал эти названия, как читают сводки с далёкой войны, которая никогда не касалась его лично — до сегодняшнего дня.

Потом все встали. Церемония завершилась. Старейшины начали расходиться, обсуждая вполголоса логистику: нужно было подать заявку на бронирование ристалища, назначить секундантов, обновить страховку хронос-фонда на случай, если назначенный мститель проиг-

рает и клан теряет ещё и его остаток. Кир стоял у стола и смотрел на пустующее кресло — то, в котором Яра сидела на прошлом совете три месяца назад. На спинке кресла ещё висела её именная табличка: «Я. Азарнова, ветвь Элиссы, рейтинг 4-С». Рейтинг 4-С означал «допущена к дуэлям, рекомендуется дополнительная подготовка». Теперь табличку снимут и отправят в архив, а кресло займёт кто-нибудь из младших кузенов, потому что пустых мест за столом совета не бывает — это тоже регулировалось внутренним уставом клана.

— Ты хочешь что-то сказать, — произнесла Элисса. Она подошла неслышно, как всегда. Кир вздрогнул.

— Я хочу быть мстителем.

— Тебе девятнадцать. Твой рейтинг — 5-D. Это означает «не рекомендуется к самостоятельным дуэлям без надзора инструктора».

— Я знаю свой рейтинг.

— Тогда ты знаешь, что совет не утвердит твою кандидатуру. — Она смотрела на него не с жалостью, а с расчётливым прищуром, каким смотрела на любого члена клана, оценивая его полезность. — У тебя есть тридцать дней, чтобы поднять рейтинг до 3-B. Если сможешь — я лично внесу твоё имя в список кандидатов. Если нет — мстителем станет Вадим.

— Вадим служит в Корпусе. Ему нельзя участвовать в клановых вендеттах.

— Он может взять отпуск по семейным обстоятельствам. Или уволиться. Конкордат не препятствует офицерам защищать честь клана — это повышает боевой дух войск. — Она помолчала. — Твоя сестра была неосторожна. Она бросила вызов, не проверив рейтинг противницы. Алина Зар-Танина имеет класс 2-A, это профессиональный уровень. Яра знала это и всё равно вышла на ристалище. Гордость — плохой советчик.

— Ты говоришь так, будто она сама виновата.

— Она сама виновата. — Голос Элиссы не дрогнул. — Это не отменяет того факта, что её убили и что мы ответим. Но запомни, Кир: месть — это не эмоция. Месть — это операция. Операция требует подготовки, расчёта и хладнокровия. Если ты принесёшь на ристалище злость, ты повторишь ошибку Яры. Если принесёшь холодный ум — возможно, вернёшься. Я хочу, чтобы ты вернулся. Клану нужны дуэлянты, а не покойники.

Она повернулась и вышла, оставив Кира одного в опустевшем зале. Голографический экран всё ещё висел над столом, показывая статус вендетты: «Азарновы — Зар-Танины: активна, фаза первая. Исполнитель: не назначен». Строка мигала, ожидая, пока её заполнят чьим-то именем.

Кир стоял и смотрел на это мигание, пока за окнами не стемнело. Потом он спустился в подземный тир и начал стрелять.

Подземный тренировочный зал располагался на глубине двенадцати метров под южным крылом — ровно на той отметке, где заканчивался слой городских коммуникаций и начинался частный бункер, построенный ещё прадедом, который не доверял ни государству, ни будущему. Кир спустился по винтовой лестнице, не включая основного света, — ему хватало аварийных полос, тускло тлевших вдоль ступеней. Сырой бетонный запах смешивался с кисловатым душком пороховой гари, въевшимся в стены за десятилетия непрерывных тренировок. Где-то гудели вентиляционные шахты, перегоняя воздух через фильтры, но система очистки не справлялась до конца — мелкая свинцовая пыль оседала на языке, едва уловимая, как память о сотнях тысяч выстрелов, сделанных здесь до него.

Он включил щиток на стене, и зал ожил. Четыре дорожки, разнесённые бронестеклом, каждая оборудована системой голографических мишеней последнего поколения. Центральный пульт позволял загрузить любой образ из базы данных Конкордата или записать собственный — в пределах, допустимых антиэкстремистским кодексом, который, впрочем, не запрещал

моделировать фигуру конкретного человека, если этот человек находился в состоянии активной вендетты с твоим кланом. Кир вызвал меню, нашёл в нём открытый файл — кто-то из техников уже загрузил в систему публичный профиль Алины Зар-Таниной, — и подтвердил выбор. Голограмма с тихим шипением материализовалась в конце крайней левой дорожки: женская фигура в рост, блуза, в которую он уже видел, как входит пуля, но сейчас ткань была чистой, без единого пятнышка. Лицо — то самое, с ресторанной стенограммы, — надменное, с чуть приподнятой бровью.

Кир вытащил свой «Картель-4» из кобуры. Стандартная модель, без украшений, с затвором, который слегка заедало на восьмом выстреле, — оружейник обещал починить ещё месяц назад, но Кир так и не отдал. Он встал в стойку, выдохнул и выстрелил. Голограмма дёрнулась, отметина появилась в плече — точно там, куда Яра попала утром. Система зафиксировала попадание, вывела на дисплей: «Плечо правое, некритическое. Цель активна». Кир выстрелил снова, целясь выше.

Промах. Ещё раз. Попадание в шею. Ещё. В челюсть. Ещё. В лоб. Голограмма погасла и возникла заново — чистая, с той же полуулыбкой. Система обнулилась, готовая к следующей серии.

Он повторял это раз за разом. Десять серий, двадцать, тридцать. Рука онемела от отдачи, в ушах стоял звон, несмотря на наушники. Каждый раз, когда голограмма падала, Кир ждал, что почувствует облегчение, но облегчение не приходило — только сухая, почти бухгалтерская фиксация результата. Попадание. Попадание. Промах. Попадание. Он сменил обойму, даже не глядя на счётчик патронов, — пальцы делали это автоматически, как и всё, что он тренировал последние три года, с тех пор как получил оружейную лицензию класса D.

— Ты давишь на спуск, а не сжимаешь его, — раздался голос от лестницы. Вадим стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, всё в той же форменной куртке Хронос-Корпуса, с планшетом в руке. — Восьмой выстрел у тебя уходит ниже на четыре сантиметра. Это из-за заедающего затвора, но компенсировать надо привычкой, а не надеждой на оружейника.

— Я не просил совета.

— Ты вообще редко просишь советы. Это не значит, что они тебе не нужны. — Вадим спустился на несколько ступеней, но в зал заходить не стал. Он остановился ровно на границе освещённой зоны, так что его лицо наполовину скрывалось в тени. — Совет закончился. Мать внесла объявление в реестр. У тебя двадцать девять дней, чтобы поднять рейтинг до уровня, при котором твою кандидатуру рассмотрят. Ты знаешь, что это означает.

— Это означает, что я должен убить десять человек на тренировочных дуэлях или трёх на официальных, — ответил Кир, не оборачиваясь. Он поднял револьвер, снова прицелился в голограмму, но не выстрелил. — Тренировочные дуэли не дают достаточного рейтинга. Значит, официальные. Значит, мне нужно найти троих, кто согласится драться с рейтингом 5-D, и победить их. Или я могу вызвать одного с рейтингом 2-A и сразу перескочить на три ступени вверх, если выживу.

— Ты не выживешь. Алина Зар-Танина была 2-A. Ты видел, как быстро это происходит.

— Я видел. Поэтому я здесь. — Кир наконец опустил оружие и повернулся к брату. Его пальцы, сжимавшие рукоять, были сбиты в кровь — мозоли лопнули ещё на двадцатой серии, но он не заметил этого, пока не почувствовал, как что-то тёплое капает на пол. — Ты пришёл сказать, что сам хочешь стать мстителем?

— Я пришёл сказать, что клан уже выбрал. Не меня, не тебя. Выбор сделан до того, как Яра вышла на ристалище. — Вадим помолчал, словно взвешивая, сколько информации можно выдать, не нарушив какой-нибудь негласный протокол. — Когда женщина нашего клана погибает от руки женщины чужого клана, мстителем почти всегда становится другая женщина. Так требует симметрия крови. У нас есть двоюродная сестра, Тамара, её рейтинг 2-C. Она уже дала согласие. Совет утвердит её кандидатуру через две недели.

Кир почувствовал, как внутри что-то обрывается — не гнев, не обида, а скорее холодное осознание того, что даже право на месть оказалось распределяемым ресурсом. Месть принадлежала не ему, не его горю, а клановой бухгалтерии, которая высчитывала оптимального исполнителя так же, как рассчитывала нотариальный сбор: вычесть двенадцать процентов, перевести остаток, соблюсти симметрию.

— И ты пришёл мне это сказать сейчас, — произнёс он медленно, — чтобы я не тратил время на тренировки?

— Чтобы ты не тратил время на иллюзии. — Вадим шагнул вперёд, входя в освещённую зону, и Кир увидел его лицо полностью: усталое, но по-прежнему лишённое явных эмоций, как у человека, который привык смотреть на смерть через тактический интерфейс. — Яра мертва. Её убийца будет наказана. Это не вернёт сестру. Но это сохранит равновесие, а ради сохранения равновесия мы все здесь и живём. Если ты действительно хочешь быть полезным клану, подними рейтинг не ради этой вендетты, а ради следующей. Их будет много. Вендетта не заканчивается никогда — ты видел список на экране. Мирзоевы, Ковальчуки, Эспинозы... Когда-нибудь твоя очередь настанет. Просто не сегодня.

— Просто не сегодня, — повторил Кир. Он поднял револьвер, прицелился в голограмму, которая всё ещё стояла в конце дорожки с той же полуулыбкой, и выстрелил. Пуля вошла точно в левый зрачок — система зафиксировала критическое попадание, голограмма погасла с коротким звуковым сигналом. На дисплее высветилось: «Цель уничтожена. Общее время серии — 2,3 секунды. Рейтинг точности — 94%. Рекомендация: сократить время реакции на 0,2 секунды».

Вадим ничего не сказал. Он развернулся и начал подниматься по лестнице. Его шаги звучали ровно, размеренно, как метроном, отсчитывающий секунды чужого хронос-баланса.

Кир перезарядил револьвер. Он разорвал упаковку бактерицидного пластыря, кое-как обмотал разбитые пальцы и снова встал в стойку. Голограмма Алины Зар-Таниной возникла опять — чистая, надменная, с той же полуулыбкой, словно ничего не случилось. Потому что на самом деле ничего и не случилось. Мир не изменился. Сестра была мертва, её убийца жила и носила на запястье её годы. Клан запустил механизм возмездия, который отработает по расписанию. А он стоял в подвале и стрелял в голограмму, потому что это было единственное, что он мог сейчас сделать, — и он делал это снова, и снова, и снова, пока подземный зал не наполнился ритмичным грохотом выстрелов, похожим на сердцебиение огромного зверя, которому не было дела до того, кто именно нажимает на спуск.

Глава 2. Кодекс и кровь

Аттестационный центр Хронос-Конкордата занимал семнадцать этажей бывшего делового квартала, перестроенного после Великого Уравнивания под нужды дуэльной администрации. Архитекторы сохранили стеклянные фасады, но изнутри здание напоминало гибрид больницы, суда и стрелкового клуба — стерильные коридоры, очередь из кандидатов с оружейными кофрами, голографические табло с расписанием экзаменов и обязательные рамки биохрон-сканирования на входе. Кир миновал три таких рамки, прежде чем добрался до лифта: первая проверяла наличие действующего чипа, вторая — отсутствие несанкционированного оружия, третья — психоэмоциональный фон. Третья рамка мигнула жёлтым, и автоматический голос порекомендовал ему «воздержаться от прохождения аттестации в состоянии повышенного стресса», но Кир проигнорировал рекомендацию. Три года тренировок научили его одному: стресс не проходит, он лишь маскируется под привычку.

Лифт доставил его на четырнадцатый этаж, где располагался сектор аттестации дуэлянтов класса D и C. В коридоре пахло антисептиком и машинным маслом — где-то за стеной техники обслуживали мишенные механизмы. На скамьях вдоль стен сидели кандидаты: мужчины и женщины разного возраста, от восемнадцатилетних юнцов с горящими глазами до седых ветеранов, решивших подтвердить квалификацию после долгого перерыва. Кир занял очередь у стойки регистрации и принялся ждать. Перед ним стоял парень примерно его возраста, нервно перебиравший пальцами по рукояти гладиуса в ножнах — охранная пломба на ножнах ещё не была сорвана, оружие явно купили сегодня утром.

— Первый раз? — спросил Кир, не столько из желания завязать разговор, сколько от скуки.

— Первый. — Парень обернулся, и Кир увидел его лицо: бледное, с россыпью юношеских прыщей, глаза слишком широко раскрыты, зрачки расширены — то ли от страха, то ли от стимуляторов. — У меня рейтинг пока нулевой. Если сдам на D — допустят до тренировочных дуэлей. А ты?

— Подтверждение. С D на C.

— Сложно?

— Нормально. — Кир не стал уточнять, что предыдущие две попытки поднять рейтинг он провалил и что сегодняшняя аттестация — последний шанс подать заявку на статус мстителя, потому что двадцать девять дней истекнут через неделю, а совет уже предварительно утвердил кандидатуру Тамары. Вместо этого он спросил: — Клинок или ствол?

— Клинок. «Картель» мне не даётся, отдача слишком сильная. А мечом я неплохо. В школе был лучшим на курсе.

— В школе все лучшие. На ристалище это не имеет значения. — Кир отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Парень обиженно замолчал.

Регистратор, пожилая женщина с чипом, светившимся внушительными девятьюстами годами (бывший дуэлянт, догадался Кир, из тех, кто вышел в отставку, накопив достаточно и не желая рисковать дальше), проверила его документы, сняла отпечатки, сверила биохрон-подпись и выдала пластиковую карту с номером очереди.

— Сектор семь. Инструктор Карвер. Ожидание около сорока минут. Советую размяться в зале ожидания, чтобы не остыли мышцы.

Кир кивнул, взял карту и направился в указанном направлении. Зал ожидания представлял собой узкую комнату с зеркальной стеной и мягким покрытием на полу — здесь кандидаты разминались перед экзаменом. Двое мужчин отрабатывали связку ударов на длинных ножах, женщина в углу медитировала, положив револьвер на колени. Кир встал у свободного участка стены и начал медленно вращать кистями, разгоняя кровь. Боль в пальцах давно прошла, но

кожа на костяшках загрубела так, что напоминала наждачную бумагу. Он уже не помнил, когда в последний раз видел свои руки без ссадин.

— Азарнов! — раздался голос из динамика ровно через тридцать шесть минут. — Сектор семь. Инструктор Карвер ожидает.

Сектор семь был просторным помещением, разделённым на три зоны: огневой рубеж с голографическими мишенями, площадка для клинкового боя с манекенами и белая линия, обозначающая зону комбинированной дуэли, где кандидат должен был показать переход от стрельбы к фехтованию. Инструктор Карвер, высокий сутулый мужчина лет ста пятидесяти на вид (реальный возраст мог быть любым), стоял за пультом управления. Его лицо пересекали три параллельных шрама — следы когтей, а не клинка, и Кир машинально отметил, что перед ним, вероятно, бывший колонист или участник одной из ранних вендетт, когда ещё не все соблюдали Кодекс.

— Кир Азарнов. Ветвь Элиссы. Рейтинг 5-D. — Карвер читал с планшета, не поднимая глаз. — Заявленная цель: повышение до класса 3-C. Это на две ступени выше твоего текущего уровня. Ты осознаёшь, что для этого нужно набрать минимум девяносто два балла из ста по всем трём дисциплинам?

— Осознаю.

— Большинство кандидатов с рейтингом 5-D не набирают и восьмидесяти. Ты тренировался?

— Три года. Ежедневно.

— Три года. — Карвер наконец поднял глаза, и Кир встретил взгляд человека, который видел столько смертей, что перестал считать их событиями. — Это хорошо. Но тренировки в подвале — не ристалище. На ристалище у тебя будет пульс под сто сорок и противник, который хочет забрать твой хронос. Здесь, — он обвёл рукой сектор, — я постараюсь создать что-то похожее. Не обижайся, если будет больно. Это не личное. Это работа.

Кир расстегнул кобуру, положил «Картель» на стойку для проверки и вытащил гладиус из ножен. Карвер осмотрел оружие, проверил клеймо лицензии, сверил номера с базой и вернул обратно.

— Начнём с огнестрельного. Пять серий по десять выстрелов. Мишени: стандартный профиль, движущийся профиль, групповая цель, цель с заложником, стресс-серия с ограничением по времени. Устраивает?

— Устраивает.

— Тогда к барьеру.

Кир встал на огневой рубеж. Карвер нажал несколько кнопок, и зал погрузился в полумрак, разрываемый вспышками голографических мишеней. Первая серия прошла гладко: стандартные силуэты, появляющиеся на трёх, пяти и семи метрах. Девяносто шесть процентов попаданий, время реакции в пределах нормы. Вторая серия — движущиеся цели, — девяносто два процента. Третья — групповые, имитация нападения трёх противников, — девяносто. На четвёртой серии, где среди вражеских силуэтов появлялись фигуры гражданских с поднятыми руками, Кир замешкался на долю секунды, и одна из мишеней ушла без поражения. Восемьдесят семь процентов. Он стиснул зубы и выдохнул. Пятая серия — стресс-тест: мишени появлялись хаотично, одновременно до пяти штук, и на поражение каждой давалось меньше секунды. Кир работал на автомате, даже не целясь сознательно, — мышцы помнили то, что он вбивал в них три года. Девяносто пять процентов. Средний балл — девяносто два.

— Приемлемо, — произнёс Карвер, делая пометку в планшете. — Теперь клинок.

Площадка для фехтования была уставлена манекенами из плотного геля, имитировавшего сопротивление человеческой плоти. Карвер активировал программу, и манекены пришли в движение — медленно, неуклюже, но непредсказуемо. Кир взял гладиус обеими руками и начал. Удар сверху, уход вбок, колющий в корпус, блок, разворот, рубящий по шее. Гелевые

головы падали на пол, система фиксировала попадания. Карвер молча наблюдал. На четвёртой минуте он включил встречную атаку — один из манекенов выбросил вперёд руку с закреплённым клинком, и Кир, не ожидавший этого, пропустил скользящий удар по рёбрам. Пластик рассёк куртку и оставил на коже красную полосу. Кир выругался, отскочил, перехватил гладиус и обезглавил манекен одним движением.

— Царапина, — прокомментировал Карвер. — На ристалище это была бы смерть, потому что в реальном бою противник не остановится после первого попадания. Но для класса С — достаточно. Восемьдесят девять баллов.

— Я думал, нужно девяносто два.

— По клинку — девяносто. По стрельбе ты набрал девяносто два. Осталась комбинированная зона. Если наберёшь девяносто — получишь свой 3-С. — Карвер помолчал. — Но учти: комбинированная зона — это то, что ближе всего к реальной дуэли. Там ты должен показать переход от огнестрельного боя к клинковому. Большинство кандидатов проваливаются именно здесь. Слишком долго перезаряжаются, слишком медленно выхватывают меч, слишком рано тратят патроны.

— Я знаю.

— Тогда покажи.

Комбинированная зона представляла собой длинный коридор с препятствиями — барьерами, колоннами, имитацией городских руин. Сценарий был стандартным: двое противников, вооружённых пистолетами, затем — внезапное появление третьего с клинком на дистанции ближнего боя. Кир вошёл в коридор, держа «Картель» у бедра. Первый противник появился из-за барьера слева — два выстрела, оба в корпус, мишень погасла. Второй — справа, на дальней дистанции, — один выстрел, попадание в плечо, мишень активна, ещё выстрел, в голову, погасла. Кир двинулся дальше, ожидая третьего.

Третий возник не из-за барьера, а сверху — голограмма спрыгнула с платформы прямо перед ним, и Кир инстинктивно выстрелил, но патроны кончились. Затвор заело — тот самый проклятый восьмой патрон, который он так и не починил. Кир отбросил «Картель» и выхватил гладиус, уходя в сторону перекатом. Голограмма атаковала — удар, блок, встречный выпад. Клинок Кира рассёк голограмме горло за долю секунды до того, как её меч коснулся его плеча.

— Достаточно, — сказал Карвер, и голограммы погасли. Он смотрел на планшет, сводя данные. Кир тяжело дышал, прижимая ладонь к саднящим рёбрам. — Комбинированная зона: девяносто один балл. Итоговый средний: девяносто один и три десятых. Поздравляю, Азарнов. Отныне твой рейтинг — 3-С. Допущен к самостоятельным дуэлям без надзора инструктора. Ограничения: рекомендовано избегать противников класса А и В до набора ста часов реального боевого опыта.

Кир выпрямился. Боль в рёбрах пульсировала, но её заслоняло другое ощущение — почти забытое, похожее на удовлетворение. Он сделал это. У него есть рейтинг. У него есть право выйти на ристалище и убить Алину Зар-Танину, если совет передумает и выберет его вместо Тамары.

— Ещё одно, — добавил Карвер, когда Кир уже направлялся к выходу. Он обернулся. Инструктор смотрел на него со странным выражением — не сочувствия, но чего-то близкого к профессиональному уважению. — Ты дерёшься так, будто тебе нечего терять. Это хороший стиль для дуэли и плохой — для долгой жизни. Если хочешь когда-нибудь увидеть, как твой хронос-баланс перевалит за тысячу, научись драться так, будто тебе есть что терять.

— У меня есть что терять, — ответил Кир.

— Правда? — Карвер прищурился. — Три года назад — возможно. Сейчас ты дерёшься как человек, который уже всё потерял и теперь просто ищет, на ком бы это выместить. Я видел таких. Они либо становятся легендами, либо покойниками. Третьего варианта Кодекс не предусматривает.

Кир ничего не ответил. Он вышел в коридор, миновал рамки сканирования в обратном порядке, спустился на лифте в вестибюль и только там, у автомата с водой, позволил себе закрыть глаза и сделать глубокий вдох. Перед внутренним взором всё ещё стояло лицо Алины Зар-Таниной — чистое, надменное, с той самой полуулыбкой. Но теперь это лицо было мишенью. Официальной. Законной. Одобренной Хронос-Конкордатом.

Оставалось убедить совет. Оставалось найти способ обойти Тамару. Оставалось двадцать два дня.

Кир оторвался от автомата и направился к выходу. На ходу он достал планшет и отправил матери короткое сообщение: «Рейтинг 3-С. Я готов». Ответ пришёл через сорок секунд: «Приходи вечером. Поговорим». И больше ни слова. Но Киру хватило. Он улыбнулся — впервые за три года, — и улыбка эта не имела ничего общего с радостью.

Дождь зарядил с утра — мелкий, морозящий, какой обычно накрывал Хронос-Центральный в середине марта, когда климат-контроль переключался с зимнего режима на весенний и система не успевала откалибровать влажность. Водяная пыль висела в воздухе, оседала на голографических табло, и изображения над ареной слегка подрагивали, словно сама реальность сомневалась в происходящем. Центральный парк Чести сегодня работал по сокращённому расписанию — всего шесть дуэлей вместо обычных восьми, потому что вечером ожидался ежегодный бал Хронос-Корпуса, и нотариальная служба перенесла часть поединков на другие площадки. Но одну дуэль отменить не могли — слишком высок был статус участников. Клан Азарновых против клана Зар-Таниных, вендетта, фаза первая, исполнитель утверждён.

Кир стоял в зоне ожидания, той самой, где три года назад стояла Яра, и смотрел на морозящий дождь сквозь прозрачный козырёк. На нём была церемониальная куртка клана — чёрная, с серебряным шитьём по вороту, изображавшим перекрещённые клинок и ствол. Куртка была новая, пошитая на заказ две недели назад, когда совет наконец утвердил его кандидатуру. Старая, та самая, в которой он тренировался три года, осталась в подвале — мать настояла, чтобы он вышел на ристалище в достойном виде. «Ты представляешь клан, — сказала она. — Зрители должны видеть, что Азарновы не экономят даже на ткани». Кир тогда промолчал, думая о том, что зрителям плевать на ткань — они приходят смотреть на кровь.

Решение совета далось непросто. Тамара, двоюродная сестра, уже проходила медицинское обследование и психологическую подготовку, когда Кир предъявил свой новый рейтинг 3-С и заявил, что право мести принадлежит тому, кто был ближе к погибшей по прямой линии родства. Формально Кодекс этого не требовал — мстителя мог выбрать совет, руководствуясь любыми соображениями, — но неписанные правила клановой чести отдавали предпочтение ближайшим родственникам. Элисса поддержала сына. Старейшины колебались. Решающим стал аргумент, который Кир не ожидал услышать от матери: «Тамара — профессионал. Она победит с вероятностью восемьдесят процентов. Кир — новичок, его шансы — сорок. Если он выигрывает, это принесёт клану больше уважения. Если проигрывает — мы потеряем только его хронос, а не хронос ценного бойца». Холодная математика. Но она сработала.

Теперь Кир стоял под дождём и ждал, когда секундант проверит его оружие. Это был тот самый старый инструктор со шрамами через всё лицо — Оскар Марло, бывший дуэлянт с рейтингом 1-А, ушедший в отставку после того, как его хронос-баланс перевалил за пять тысяч лет и дальнейшие дуэли становились неоправданным риском. Марло методично осмотрел «Картель» — уже починенный, с новым затворным механизмом, — проверил патроны, взвесил гладиус на ладони, провёл пальцем по лезвию. Его собственные руки были покрыты таким количеством шрамов, что напоминали топографическую карту.

— Затвор работает чисто, — произнёс он наконец. — Лезвие заточено. Баланс клинка смещён на полмиллиметра к рукояти, но ты к этому привык. Не меняй стойку. Не импровизируй. Держись того, что тренировал. И слушай меня.

— Я слушаю.

— Нет, не слушаешь. — Марло поднял на него глаза — бледно-голубые, почти выцветшие от возраста, но по-прежнему цепкие. — Ты слышишь своё сердце. Оно колотится так, что я слышу его отсюда. Это нормально. Но когда ты выйдешь в круг, пульс нужно опустить. Не подавить — опустить. Страх делает тебя медленным. Ярость — слепым. Тебе нужна холодная голова. Представь, что ты уже мёртв, а всё, что происходит, — просто формальность, которую нужно исполнить до конца. Это помогает.

— Вы говорите это всем ученикам?

— Я говорю это тем, у кого есть шанс выжить. Остальным я говорю «удачи» и советую обновить завещание. — Марло вернул ему оружие. — Она будет целиться в голову. Это её почерк. Три года назад она стреляла Яре в лицо, и с тех пор не изменила привычке. Это значит, что её рука уходит вверх на долю секунды раньше, чем у обычного стрелка. Упреждай её. Стреляй ниже. Целься в корпус, а потом добивай клинком, если потребуется. Не пытайся переиграть её в меткости — она чемпионка Западного сектора. Переиграй в тактике.

Кир кивнул. Слова инструктора доходили до него словно через толщу воды — знакомое ощущение, которое он испытывал перед каждой тренировочной дуэлью, но сейчас усиленное стократно. Он посмотрел на другую сторону арены. Там, в такой же зоне ожидания под козырьком, стояла Алина Зар-Танина. Она была старше, чем на голограммах, — тонкие морщины вокруг глаз, седая прядь в тёмных волосах, но осанка прямая, как клинок. На её запястье пульсировал чип, показывавший баланс в пятьсот шестьдесят с лишним лет — суммарно с тем, что она забрала у Яры. Она не смотрела на Кира. Она разминала пальцы и что-то негромко говорила своему секунданту.

Нотариус — тот же самый, что обслуживал дуэль Яры три года назад, — вышел в центр круга и поднял руку. Гул трибун начал стихать.

— Именем Хронос-Конкордата и Кодекса Клинка и Ствола, редакция двести девятнадцатого года, параграф девятнадцатый, пункт второй, объявляется дуэль в рамках активной вендетты между кланом Азарновых и кланом Зар-Таниных. Исполнитель со стороны клана Азарновых: гражданин Кир Азарнов, рейтинг 3-С, хронос-баланс триста двенадцать лет четыре месяца шесть дней. Цель вендетты со стороны клана Зар-Таниных: гражданка Алина Зар-Танина, рейтинг 2-А, хронос-баланс пятьсот шестьдесят четыре года один месяц одиннадцать дней. Оружие: короткоствольное огнестрельное и клинковое, комбинированный бой. Условия: бой до остановки биохран-чипа одного из участников. Передача хронос-остатка победителю за вычетом стандартного нотариального сбора.

Толпа зашумела. Комбинированный бой был редкостью — большинство дуэлей проводились либо только на огнестрельном, либо только на клинковом. Комбинированный означал, что бойцы начинали с пистолетами, а затем, в любой момент, могли перейти на мечи — либо когда кончались патроны, либо когда расстояние сокращалось до ближнего боя. Это был самый зрелищный и самый опасный формат, и трибуны оценили выбор.

— Гражданин Азарнов, гражданин Азарнов настоял на комбинированном бое, — добавил нотариус, сверившись с планшетом, и по толпе пробежал новый гул. — Гражданка Зар-Танина согласилась. Стороны предупреждены о правилах. Секунданты, подтвердите готовность.

Марло поднял белый флажок. Секундант Алины — тоже. Нотариус вскинул руку.

Гонг.

Кир вышел в круг. Его шаги отдавались в ушах гулко, словно он ступал не по синтетической траве, а по пустоте. Алина Зар-Танина вышла одновременно с ним, и они замерли на

расстоянии десяти метров друг от друга — стандартная дистанция для начала дуэли. Её лицо было спокойным, почти скучающим. Она смотрела на Кира не как на противника, а как на задачу, которую нужно решить за ближайšie несколько секунд.

— Ты похож на неё, — сказала Алина негромко, так, что слышал только Кир и нотариус. — Такая же стойка. Такая же манера держать револьвер. Надеюсь, результат будет не таким предсказуемым.

Кир ничего не ответил. Он смотрел на её правую руку, ту самую, которую Марло велел отслеживать. Рука висела у бедра, расслабленная, но готовая к броску. «Картель» в её кобуре — модель с гравировкой, явно дорогой заказной экземпляром.

Нотариус опустил руку.

Алина выхватила револьвер быстрее, чем Кир ожидал. Он ещё только сжимал рукоять своего «Картеля», когда её ствол уже уставился ему в лицо. Выстрел. Кир инстинктивно упал влево — пуля прошла в сантиметре от виска, опалив кожу горячим воздухом. Он выстрелил в ответ, не целясь, просто в сторону противницы, и пуля ушла в землю у её ног. Проммах.

— Плохо, — бросила Алина и выстрелила снова.

Кир перекатился за невысокий барьер, установленный в центре круга для комбинированных дуэлей, и пуля ударила в пластик, разбрызгав крошево. Он дышал тяжело, сердце колотилось где-то в горле. План Марло — «целься в корпус, упреждай её руку» — разбился о реальность, в которой Алина двигалась вдвое быстрее, чем голограммы в тренировочном зале. Кир выглянул из-за барьера, сделал два выстрела, снова промахнулся — её фигура уже сместилась вправо, и она приближалась к нему, сокращая дистанцию.

— Твоя сестра хотя бы попала, — произнесла Алина, и в её голосе не было ни злости, ни издевки — только констатация факта. — Ты хуже.

Она была уже в пяти метрах. Ещё выстрел — Кир почувствовал, как пуля рвёт рукав его куртки, но кожу не задела. Он выстрелил в ответ, на этот раз целясь ниже, как учил Марло, — и увидел, как Алина вздрогнула. Попадание в бедро. Она замедлилась, но не остановилась. Кровь потекла по её брюкам, но чип продолжал пульсировать золотом — ранение не критическое.

— Хорошо, — сказала она, и впервые в её голосе мелькнуло что-то похожее на интерес. — А теперь клинок.

Она отбросила револьвер — патроны кончились, Кир насчитал шесть выстрелов — и выхватила из ножен за спиной узкий длинный меч, кавалерийскую саблю с односторонней заточкой. Кир, следуя своему плану, тоже бросил «Картель» — у него оставалось два патрона, но дистанция сократилась до ближнего боя, и перезаряжаться было некогда. Он выхватил гладиус и встал в защитную стойку.

Сабля Алины запела, рассекая воздух. Она атаковала первой — рубящий удар сверху, классический, предсказуемый, но чудовищно быстрый. Кир заблокировал, и сталь ударилась о сталь, высекая искры. Руку тряхнуло так, что он едва не выронил меч. Алина надавила, используя преимущество в росте и массе, и Кир отступил на шаг, потом ещё на шаг. Толпа взревела.

— Ты силён для новичка, — процедила Алина сквозь зубы, не ослабляя давления. — Но сила — не всё. Техника, мальчик. Техника и опыт.

Она резко отвела саблю вбок и нанесла колющий удар, целясь в живот. Кир уклонился, но недостаточно быстро — лезвие скользнуло по рёбрам, той же стороной, которую три года назад на тренировке рассёк манекен. Боль была мгновенной, ослепляющей, но не парализующей. Кир закричал — не от страха, а от ярости, — и бросился вперёд, сократив дистанцию до минимума. Теперь их лица были в десятке сантиметров друг от друга, и он видел её глаза — серые, холодные, чуть расширившиеся от неожиданности.

Он ударил. Не мечом — лбом. Удар пришёлся ей в переносицу, и Алина пошатнулась, на секунду теряя контроль над оружием. Этого мгновения хватило. Кир вонзил гладиус ей под

рёбра — коротко, без замаха, как учили в клинковой подготовке: «В ближнем бою не руби, коли. Клинок проходит глубже и быстрее достигает жизненно важных органов».

Алина замерла. Её сабля выпала из пальцев и звякнула о синтетическую траву. Она посмотрела на Кира — не с ненавистью, не с мольбой, а с тем же холодным интересом, что и минуту назад. Губы шевельнулись, но слов Кир не разобрал. Биохрон-чип на её запястье вспыхнул алым и погас.

Тишина. Потом — взрыв звуков. Трибуны ревели, топали ногами, выкрикивали его имя и название клана. Где-то играла торжественная мелодия. Табло над ареной пересчитывало баланс: 564 года 1 месяц 11 дней плюс 312 лет 4 месяца 6 дней — двенадцать процентов нота-риального сбора — итоговая сумма загорелась золотом. Биохрон-чип Кира мигнул и обновил показания: семьсот семьдесят один год два месяца четыре дня.

Он стоял над телом Алины Зар-Таниной и не чувствовал ничего. Совсем ничего. Ни радости, ни облегчения, ни торжества. Только пустоту и боль в рёбрах. Руки дрожали, кровь из раны на боку пропитала куртку и капала на траву, смешиваясь с кровью убитой. Дождь продолжал моросить, оседая на лицах, на голограммах, на остывающем теле.

Марло подошёл первым. Он молча взял Кира за плечо, отвёл в сторону и начал обраба-тывать рану, даже не спрашивая разрешения. Его пальцы двигались уверенно, привычно — он перевязывал дуэлянтов чаще, чем обедал.

— Ты ударил головой, — сказал Марло. — Этого не было в плане.

— План не работал.

— План никогда не работает. На то он и план. — Марло затянул бинт и отступил на шаг. — Но ты выжил. А она нет. Это всё, что имеет значение. Остальное — детали, которые никто не вспомнит через неделю.

Кир посмотрел на табло. Его новое имя горело золотом: «Кир Азарнов, 3-С, 771 год 2 месяца 4 дня». Чуть ниже — приписка: «Победитель вендетты, фаза первая». Он перевёл взгляд на тело Алины, которое уже грузили на антигравитационные носилки, и подумал о том, что где-то в другом районе города, в родовом поместье Зар-Таниных, сейчас собирается Большой совет. И что через тридцать дней новый мститель выйдет на ристалище, чтобы забрать эти семьсот семьдесят один год обратно. И что этот цикл никогда не закончится — ни для него, ни для его клана, ни для всего этого мира, который называл себя равновесным.

Нотариус объявил следующую дуэль. Трибуны начали рассасываться. Дождь усилился.

— Пойдём, — сказал Марло. — Тебе нужно в медотсек. Швы наложат, кровь остановят, через неделю будешь как новый. А через месяц — снова в круг, потому что Зар-Танины не простят. Ты же понимаешь это?

— Понимаю, — ответил Кир.

Он отвернулся от арены и пошёл к выходу. Позади, над опустевшим ристалищем, авто-матические оросители уже смывали кровь с синтетической травы, и голографическое табло начинало новый отсчёт. Чип на его запястье пульсировал золотом — семьсот семьдесят один год, два месяца, четыре дня. Триста из них были его собственными. Двести сорок семь когда-то принадлежали Яре. Остальные — Алине Зар-Таниной. И никто из них теперь не мог сказать, стоил ли этот баланс того, что за него заплатили.

Нотариальная контора располагалась здесь же, в административном крыле Центрального парка Чести, — длинный коридор с дубовыми панелями, которые, в отличие от синтетической травы на арене, были настоящими. Запах старого дерева смешивался с озоном от голографи-ческих проекторов и едва уловимым ароматом сандалового масла, которым здесь протирали мебель, — традиция, доставшаяся от эпохи, когда нотариусы ещё носили мантии из натураль-ного шёлка, а не из огнеупорного композита. Кир шёл по коридору, прижимая к боку заново

перевязанный бок. Медик вколол ему быстродействующий регенератор, края раны стянуло, боль отступила, превратившись в тупую ноющую пульсацию, но кровь всё ещё проступала сквозь бинты — регенератор никогда не работал мгновенно, что бы ни обещала реклама.

Марло шагал справа, по-прежнему молчаливый, но теперь его молчание было иным — не напряжённым предбоевым, а расслабленным, почти сонным. Он выполнил свою работу. Его подопечный выжил. Всё остальное его не касалось. Время от времени он поглядывал на чип Кира, светившийся обновлённым балансом, и удовлетворённо кивал, словно оценщик, подтверждающий подлинность драгоценного камня.

Нотариус ждал их в кабинете номер двенадцать — том самом, с табличкой «Старший нотариус Э. Морган», под которой висела голографическая вывеска с гербом Конкордата и девизом «Равновесие через право». Это был тот же человек, что обслуживал дуэль Яры три года назад и сегодняшний поединок, — сухой, подтянутый, с седыми висками и безупречно отглаженной серой мантией, серебряное шитьё на воротнике которой указывало на тридцатилетний стаж без единого дисциплинарного взыскания. Он сидел за массивным столом, перед ним парили три голографических экрана: протокол дуэли, налоговый расчёт и реестр вендетт. Пахло кофе — настоящим, не синтетическим, — и этот запах на мгновение отвлёк Кира сильнее, чем весь остальной интерьер вместе взятый. Настоящий кофе стоил около двух лет хроноса за килограмм, и позволить его могли только люди с балансом за несколько тысяч. Видимо, Э. Морган входил в их число.

— Гражданин Азарнов, — произнёс нотариус, не поднимая глаз от экранов. Его пальцы порхали над сенсорной панелью, перегоняя столбцы цифр из одного окна в другое. — Поздравляю с успешным завершением дуэли. Прошу садиться. Гражданин Марло, вы можете присутствовать в качестве свидетеля или подождать в коридоре.

— Подожду в коридоре, — ответил Марло и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Кир остался наедине с нотариусом и тихим жужжанием голографических экранов.

— Итак. — Морган наконец поднял глаза, и Кир встретил взгляд, который не выражал ровным счётом ничего: ни сочувствия, ни профессионального интереса, ни скуки. Так, наверное, смотрели на мир древние мраморные статуи. — Официальный протокол дуэли номер семь-четыре-один-девять-восемь-шесть-один-четыре. Дата: семнадцатое марта две тысячи сто девяносто второго года. Время фиксации результата: пятнадцать часов сорок семь минут. Победитель: гражданин Кир Азарнов, рейтинг повышен до 2-В в связи с победой над противником класса 2-А. Побеждённая: гражданка Алина Зар-Танина, биохрон-чип остановлен, хронос-остаток конфискован. Нотариальный сбор: двенадцать процентов. Итоговая сумма трансфера...

Он сделал паузу, и голографический экран перед Кирой развернулся, показывая детальную выписку. Цифры поплыли перед глазами: 564 года 1 месяц 11 дней (баланс Алины) плюс 312 лет 4 месяца 6 дней (его собственный баланс, который он рисковал и который теперь возвращался к нему с прибытком) минус 67 лет 8 месяцев 15 дней (нотариальный сбор, ровно двенадцать процентов от суммы Алины) минус ещё один день — пресловутый вычет за день смерти, который Конкордат забирал сверх всего.

— ...семьсот семьдесят один год, два месяца, четыре дня, — закончил Морган и развернул экран к Киру, предлагая сверить цифры. — Ваш текущий баланс. Подтвердите согласие с расчётом.

— Подтверждаю, — сказал Кир. Его голос прозвучал глухо, как сквозь подушку.

— Приложите чип к считывателю.

Кир протянул запястье к небольшой панели на столе. Чип мигнул, панель ответила коротким звуковым сигналом, и цифры на голографическом экраненовились в последний раз. Теперь его баланс официально составлял семьсот семьдесят один год, два месяца и четыре дня — больше, чем он мог бы прожить за три полных биологических цикла. Он убрал руку

и посмотрел на запястье. Свечение чипа изменилось: если раньше оно было бледно-золотым, почти незаметным, то теперь пульсировало глубоким, насыщенным янтарём — цветом, который на улице вызывал уважительные взгляды и заставлял встречных уступать дорогу.

— Теперь о дальнейших шагах, — продолжил Морган, сворачивая экран с расчётом и открывая следующий — реестр вендетт. — Как вам известно, дуэль являлась фазой первой вендетты между кланами Азарновых и Зар-Таниных. Сегодняшний результат закрывает фазу первую. Клан Зар-Таниных имеет право объявить фазу вторую в течение стандартных тридцати суток. — Он помолчал. — Я получил уведомление три минуты назад.

Кир почувствовал, как внутри что-то обрывается — то самое ощущение, которое он испытал три года назад, когда Вадим сказал ему, что мстителем назначат Тамару. Только теперь обрыв был глубже, потому что он только что убил человека и думал, что это конец. Хотя бы на время.

— Уже? — спросил он.

— Центральный реестр работает оперативно. Большой совет клана Зар-Таниных провёл экстренное заседание сразу после объявления результата дуэли. Вендетта фазы второй объявлена. Исполнитель: гражданин Ролан Зар-Танин, рейтинг 1-А, действующий чемпион Южного сектора по комбинированному бою, баланс — три тысячи двести сорок лет без малого. — Морган произнёс это так, будто зачитывал сводку погоды. — Вам, как текущему держателю спорного хронос-остатка, направлено официальное уведомление. С этого момента вы находитесь в состоянии активной вендетты с указанным лицом. Любая попытка уклонения от дуэли в течение тридцати суток будет расценена как нарушение Кодекса и повлечёт принудительную конфискацию баланса и аннуляцию чипа. Вы понимаете это?

— Понимаю. — Кир смотрел на экран, где горело имя его нового противника: Ролан Зар-Танин, 1-А, 3240 лет. Чемпион Южного сектора. Человек, чей рейтинг был вчетверо выше, чем у Алины, и которому он, Кир, со своими жалкими семью сотнями лет годился разве что в разминку перед настоящим боем.

— Должен заметить, — добавил Морган, и в его голосе впервые проскользнула тень чего-то, отдалённо напоминающего человеческую интонацию, — что клан Зар-Таниных выставил сильнейшего из доступных бойцов. Это их право, но в случае вашей гибели хронос-остаток, который вы сегодня получили, вернётся к ним с избытком. Они играют на повышение ставок. Это разумная стратегия.

— Разумная, — повторил Кир. Слово прозвучало как ругательство.

— Вам рекомендуется обсудить тактику с вашим клановым советом. Возможно, Азарновы сочтут целесообразным выставить другого бойца на фазе третьей — если таковая наступит. — Морган не сказал «если вы погибнете», но это подразумевалось. — А пока — прошу подписать протокол. Здесь, здесь и здесь. Отпечаток чипа на каждой странице.

Кир прикладывал запястье к считывателю раз за разом, глядя, как на голографических страницах расцветают золотые печати с его именем и идентификационным номером. Бюрократия занимала десять минут. Всё это время он думал о том, что семнадцатое марта две тысячи сто девяносто второго года, день его первой победы и его первого убийства, уже вошло в реестр, и этот реестр никогда не будет стёрт. Что Ролан Зар-Танин уже получил уведомление и, возможно, сейчас сидит в такой же нотариальной конторе где-нибудь в Южном секторе и точно так же прикладывает чип к считывателю, подтверждая своё право на убийство.

Когда формальности закончились, Морган встал из-за стола — впервые за всю встречу. Он оказался выше, чем Кир думал, и хуже: мантия скрывала почти болезненную худобу, выдававшую человека, который экономил на еде ради экономии хроноса или просто забывал есть за работой.

— И ещё одно, гражданин Азарнов, — произнёс он, провожая Кира к двери. — Я служу нотариусом тридцать один год. Через мой кабинет прошло более восьми тысяч дуэльных протоколов. И я заметил одну закономерность.

— Какую?

— Дуэлянты, которые приходят ко мне счастливыми, обычно не возвращаются вовсе. А те, кто приходят пустыми — возвращаются снова и снова. — Морган открыл дверь. — Вы пришли пустым. Это увеличивает ваши шансы. Не намного, но всё же.

Кир вышел в коридор. Марло поднялся со скамьи, вопросительно вскинул бровь. Кир молча развернул к нему экран планшета с уведомлением о фазе второй. Инструктор прочитал, хмыкнул и пожал плечами.

— Ролан Зар-Танин, — сказал он задумчиво. — Я видел его бои. Он дерётся левой, хотя правша. Путает противников сменой стойки на третьей секунде. За тридцать семь дуэлей ни одного поражения. Трех убил голыми руками, когда клинок сломался.

— Утешительно.

— Я не утешать. Я информировать. — Марло положил руку Киру на плечо, и этот жест был почти отеческим, если бы от инструктора вообще можно было ожидать отеческих жестов. — У тебя тридцать дней. Твой рейтинг — 2-В. Против 1-А — это самоубийство. Но три года назад ты был 5-Д против 2-А, и это тоже было самоубийство. А ты стоишь здесь. Так что не хорони себя раньше времени. Кодекс этого не одобряет.

Они направились к выходу из административного крыла. Коридор был пуст, только где-то вдалеке гудела система вентиляции и мерно тикали голографические часы, отсчитывавшие время до следующей дуэли. За окнами дождь усилился и теперь барабанил по стеклу с той же ритмичностью, с какой Кир когда-то стрелял в подвальном тире, — бесконечной, монотонной, убаюкивающей.

Прежде чем толкнуть входную дверь, он бросил взгляд на своё отражение в затемнённом стекле. С куртки исчезла кровь — ткань была обработана самоочищающимся покрытием. Лицо осталось тем же, что утром. Но глаза — глаза изменились. В них появилось что-то, чего Кир раньше не замечал: спокойная, почти сонная готовность, какая бывает у человека, который понял, что конца у этой войны нет, а есть только паузы между боями.

Он толкнул дверь и вышел под дождь. Чип на запястье пульсировал янтарём. Семьсот семьдесят один год. Ролан Зар-Танин, три тысячи двести сорок. Тридцать дней.

Вода стекала по лицу, и Кир позволил себе не вытирать её. В конце концов, дождь был единственной вещью в этом городе, которая ничего не стоила.

Глава 3. Анатомия вечной вражды

Поезд метро шёл по центральной ветке, соединявшей Хронос-Центральный с жилыми секторами, и Кир сидел у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, глядя, как за окном проплывают голографические щиты с правительственными объявлениями. Их было много, гораздо больше, чем три года назад, — Конкордат наращивал пропагандистские мощности, и теперь рекламные панели висели даже в туннелях, где их никто толком не рассматривал. Но текст считывался периферийным зрением, а в этом и состоял смысл: «Хронос-кровь питает равновесие», «Каждая дуэль — вклад в будущее», «Триста лет каждому, вечность — достойнейшим», «Конкордат помнит каждого, кто отдал годы ради общего блага». Последний слоган сопровождался изображением улыбающейся женщины, прижимающей ладонь к груди, где под тканью блузы угадывалось свечение биохран-чипа. Женщина была красива той стандартной, синтетической красотой, какую использовали во всей правительственной рекламе, — без возраста, без индивидуальности, без права на морщины.

Вагон был полупустым. Час пик ещё не наступил, и только несколько человек сидели на откидных сиденьях, каждый погружённый в свой планшет или просто в пустоту. Напротив Кира расположился мужчина средних лет в потёртой куртке — судя по отсутствию клановых нашивок, неприсоединившийся, из тех, кого называли «одиночками». Таких было мало, но они существовали: люди, по тем или иным причинам вышедшие из клановой системы и жившие на гарантированные триста лет без права участия в дуэлях и без защиты со стороны родственников. Их баланс всегда горел бледно-голубым — цветом замороженного хроноса. Никто не мог забрать их годы, но и они не могли забрать чужие. Клановая пропаганда называла их «живыми мертвецами». Сам Кир никогда не понимал, чего в этом больше — презрения или зависти.

На экране над дверью вагона включился ежемесячный демографический бюллетень — обязательная трансляция, которую нельзя было ни выключить, ни убавить. Диктор с безупречной улыбкой, мужчина лет ста на вид с зализанными тёмными волосами и значком Хронос-Корпуса на лацкане, начал зачитывать сводку:

— Граждане Хронос-Конкордата, добрый день. Представляем вашему вниманию ежемесячный демографический отчёт за февраль две тысячи сто девяносто второго года. По данным Центрального реестра, за отчётный период население Земли сократилось на одиннадцать целых четыре десятых миллиона человек, что полностью соответствует плановым показателям, утверждённым Большим советом Конкордата. Основной вклад в регулирование численности внесли следующие механизмы: дуэльная активность...

На экране возникли графики. Синие столбцы — запланированная убыль, красные — фактическая. Они совпадали почти идеально, расхождение не превышало двух десятых процента. Кир смотрел на цифры, думая о том, что в одном из этих столбцов, среди одиннадцати с лишним миллионов смертей, есть одна, которая носит имя Алины Зар-Таниной, и одна, которая три года назад носила имя Яры Азарновой. И что эти смерти были не просто учтены, а запланированы — внесены в годовой бюджет человеческих жизней так же, как вносились в бюджет расходы на обслуживание оросителей в Парке Чести.

— ...вендеттная активность, — продолжал диктор, переходя к следующему слайду, — колонизационный отток и естественная убыль, включая добровольное обнуление чипов и несчастные случаи, не связанные с дуэльной деятельностью. Отдельно отмечаем рост вендеттной активности на семь процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что свидетельствует об эффективности программы стимулирования клановой чести, принятой в ноябре прошлого года.

«Программа стимулирования клановой чести» — так официально назывался пакет поправок, упрощавших процедуру объявления вендетты и снижавших нотариальный сбор с

двенадцати до десяти процентов для дуэлей, проводимых в рамках кровной мести. Кир помнил, как клановые старейшины обсуждали эти поправки: они были довольны. Меньше сбор — больше хронос-остатка в семейном фонде. О том, что снижение сбора приведёт к росту числа дуэлей, а значит, и смертей, никто не говорил. Это подразумевалось.

— ...в общей сложности за отчётный месяц зафиксировано четыреста двенадцать тысяч дуэлей, из которых двести девяносто три тысячи завершились летальным исходом для одного из участников, — продолжал диктор, и его улыбка не дрогнула ни на секунду. — Средний хронос-остаток, перешедший победителям, составил двести десять лет на дуэль. Совокупный хронос-фонд Конкордата пополнился нотариальными сборами в объёме восьми целых семи десятых миллиарда лет. Эти средства направляются на финансирование социальных программ, здравоохранения и колонизационных инициатив.

— Социальных программ, — пробормотал Кир едва слышно, ни к кому не обращаясь. — Здравоохранения.

Мужчина напротив, одиночка с бледно-голубым чипом, поднял голову и посмотрел на него. В его взгляде не было ни осуждения, ни сочувствия — только усталость.

— Вы тоже заметили? — спросил он негромко.

— Что именно?

— Они никогда не расшифровывают, какие именно социальные программы. Здравоохранение — какое? Колонизационные инициативы — куда? Восемь миллиардов лет, а больницы переполнены, колонии задыхаются без снабжения, а школы закрываются одна за другой, потому что дети с пятнадцати лет записываются в дуэльные секции вместо классов. — Он говорил спокойно, без гнева, словно пересказывал содержание скучной статьи. — Я работаю в учётном секторе муниципалитета, и я вижу цифры, которые не попадают в бюллетень. Из восьми миллиардов до реальных программ доходит около сорока процентов. Остальное оседает в стабилизационном фонде.

— В стабилизационном? — Кир насторожился. Арис упоминал стабилизационный фонд — тогда, три года назад, в архиве, перед тем как его убили.

— Да. Официально — резерв на случай демографических колебаний. Неофициально... — Мужчина осёкся и бросил взгляд на камеру под потолком вагона. — Неофициально, я лучше промолчу. Вы из клана?

— Азарнов.

— Тогда тем более промолчу. — Он снова уткнулся в планшет, и голубой огонёк его чипа мигнул, словно подмигивая.

Диктор на экране тем временем перешёл к самой жизнерадостной части бюллетеня — сводке дуэльных рейтингов. На экране замелькали лица: мужчины и женщины с голливудскими улыбками, снятые в героических позах, с оружием в руках и клановыми гербами за спиной. Первое место в рейтинге смертности (или, как это называлось в официальной терминологии, «в рейтинге хронос-эффективности») занимал кто-то из клана Эспиноз — девять тысяч восьмисот лет баланса, тридцать семь победных дуэлей, ноль поражений. Кир даже не стал запоминать его имя. Он смотрел на эти лица и думал о том, что каждое из них — это гора трупов, аккуратно упакованная в привлекательную обложку.

— ...также рады сообщить, что в рамках программы «Новый Исход» за февраль было отправлено три транспортных корабля к колониям на Верданте, Новом Китеже и Антаресе-четыре. Общее число колонистов, покинувших Землю, составило двести сорок тысяч человек. Напоминаем, что запись в программу открыта для всех граждан с хронос-балансом не ниже ста лет. Колонистам предоставляется освобождение от дуэльной повинности и заморозка хронос-учёта на весь срок пребывания в колонии.

Экран показал кадры из колоний — те самые, которые Кир видел в рекламных роликах уже много раз: улыбающиеся люди в комбинезонах, зелёные поля под чужим солнцем, дети,

играющие на траве без оружия в руках. Картинка была настолько отретушированной, что напоминала не документальную съёмку, а детский рисунок. Кир знал от Вадима, что на Верданте уже два года не было связи, а последний транспорт, вернувшийся оттуда, привёз груз замёрзших тел, а не колониальных товаров. Но в бюллетене об этом не говорилось. В бюллетене Вердант цвёл и плодоносил.

Диктор завершил отчёт стандартной фразой: «Да хранит Конкордат равновесие», — и экран погас, сменившись рекламой дуэльных школ. Кир выдохнул. Он вдруг понял, что всё время, пока длился бюллетень, он не дышал — или дышал так мелко и неглубоко, что это не считалось дыханием.

— Следующая станция — Южный сектор, — объявил автоматический голос. — Передача на линии четыре и семь. Осторожно, двери закрываются.

Кир поднялся. Ему нужно было в центр, в Колонизационное управление, где, по слухам, ещё можно было найти живых людей, а не голографические сводки. Мужчина-одиночка остался сидеть. Когда Кир проходил мимо, он, не поднимая головы, произнёс:

— Если соберётесь в колонию, берите билет на Новый Китеж. Туда ещё возят нормальную еду. На Вердант — только сухпайки и молитвы.

— Я не в колонию, — ответил Кир.

— Тогда удачи. Она вам понадобится, если вы из Азарновых. Ваш клан сейчас в верхних строчках вендеттного реестра. Я видел сводку: три активных вендетты одновременно. Это много даже для крупного клана.

Кир ничего не ответил. Он вышел на платформу, и двери за его спиной закрылись, отрезая и одиночку, и рекламу дуэльных школ, и демографический бюллетень с его одиннадцатью миллионами смертей, упакованными в аккуратные столбцы.

Платформа была заполнена людьми, но людей стало меньше, чем три года назад, — Кир заметил это краем сознания, машинально, как снайпер замечает изменение дистанции. Меньше толкотни. Меньше очередей к автоматам с едой. Больше пустых скамеек. Одиннадцать миллионов в месяц, сто тридцать миллионов в год — цифры, которые Конкордат называл «регулированием», а на самом деле они означали, что каждый год с лица Земли исчезало население целой старой страны. И это считалось нормальным. Более того — желательным. Признаком здорового общества.

Над платформой висел очередной плакат: «Колонизационная программа "Новый Исход" — твой шанс на новую жизнь. Без дуэлей. Без вендетт. Без страха». Ниже — адрес ближайшего центра записи. Кир посмотрел на плакат, потом на свой чип, пульсировавший янтарём, и впервые за долгое время подумал не о Ролане Зар-Танине и не о предстоящей дуэли, а о Лине — троюродной сестре, которая улетела на Вердант два года назад и от которой с тех пор не было ни слова.

Он вытащил планшет, нашёл в клановой базе контакт Лины и набрал короткое сообщение: «Ты жива?» Ответа не было. Экран мигнул и выдал системное уведомление: «Абонент находится вне зоны действия сети Хронос-Конкордата. Сообщение будет доставлено при обновлении соединения. Ожидаемое время доставки: неизвестно».

Неизвестно. Это слово описывало примерно всё в его жизни. Кир убрал планшет и направился к эскалатору. Позади него на платформе снова включился экран с рекламой: улыбающаяся семья, двое детей, никакого оружия в кадре, и слоган: «Новый Исход — начни с чистого баланса». В динамиках играла тихая, убаюкивающая мелодия — та самая, которую проигрывали после успешных дуэлей, только замедленная вполтину, чтобы звучать не триумфально, а обнадеживающе. Кир не оборачивался. Он больше не верил в обнадеживающие мелодии. Он верил только в цифры на запястье и в то, что каждая из этих цифр когда-то пульсировала на чьём-то ещё запястье — до того, как её владелец вышел в круг и не вернулся.

Приглашение пришло через три дня после дуэли — плотный лист кремовой бумаги, настоящей, не голографической, с вытисненным золотом гербом Хронос-Корпуса и личной подписью командующего Западным округом. Такие приглашения не рассылали рядовым дуэлянтам. Их получали только те, чей хронос-баланс перевалил за пятьсот лет, а рейтинг — за 2-В, и чьё имя попало в сводки новостей хотя бы дважды за квартал. Кир подержал бумагу в руках, ощупывая шероховатую фактуру тиснения, и подумал, что ещё три года назад он не знал никого, кто держал бы такую бумагу в руках, кроме матери. Теперь его имя значилось в списке приглашённых, выведенное каллиграфическим почерком: «Кир Азарнов, клан Азарновых, победитель вендетты первой фазы против клана Зар-Таниных». Строчка выглядела как титул. Возможно, она и была титулом — единственным, который имел значение.

Особняк командующего располагался в Правительственном квартале, за тройным периметром охраны. Кир миновал первый периметр ещё в такси: биохран-сканер на въезде считал его чип, сверил с базой приглашённых и только после этого пропустил машину. Второй периметр проходил у ворот особняка — рамка, похожая на те, что стояли в аттестационном центре, но более чувствительная, способная уловить не только оружие, но и микроскопические дозы ядов, запрещённых Кодексом. Третий периметр был человеческим: двое офицеров Хронос-Корпуса в парадной форме, с нашивками личной гвардии командующего, проверяли документы и приглашения, сверяли лица с фотографиями в базе и только после этого пропускали гостей в холл. Их собственные чипы горели густым, насыщенным золотом — каждый не меньше полутора тысяч лет. Командующий не нанимал слабаков.

Холл особняка был огромен. Пол — чёрный мрамор, отполированный до зеркального блеска, в котором отражались огни хрустальных люстр. Стены увешаны гобеленами с изображениями знаменитых дуэлей: вот первый поединок после Великого Уравнивания, вот легендарный бой на клинках между основателями клана Морозовых и Шаховских, вот финал прошлогоднего чемпионата по комбинированному бою. Кир узнал это изображение — его показывали в новостях. Победитель, мужчина с лицом, изуродованным шрамами, стоял над телом поверженного противника и поднимал к небу окровавленный гладиус. Под гобеленом висела табличка: «Чемпионат-2191, финал. Победитель — Ролан Зар-Танин».

Кир задержался у гобелена дольше, чем следовало. Значит, его будущий противник входил в этот же круг. Значит, он тоже получал такие приглашения. Значит, возможно, он стоит сейчас где-то в этом зале, потягивает вино и обсуждает с элитой дуэльные рейтинги, как биржевые сводки.

Гостей собралось около сотни. Они стояли небольшими группами, держа в руках бокалы с вином — красным, белым, золотистым шампанским, — и вели негромкие разговоры, в которых то и дело мелькали цифры: «четыре тысячи двести», «восемь процентов годовых», «две победы в январе», «его баланс после последней дуэли», «её рейтинг поднялся до 1-В». Кир взял бокал с подноса у проходящего официанта — живой человек, не дрон, что уже говорило о статусе мероприятия, — и начал медленно прохаживаться по залу, прислушиваясь. Его клановая куртка с серебряным шитьём, ещё недавно казавшаяся ему верхом элегантности, здесь выглядела почти скромно: вокруг были люди в мундирах с орденскими планками, в платьях, расшитых драгоценными камнями, в костюмах, пошитых явно не на Земле — где-нибудь в колониях, где ещё водились портные, способные работать без автоматических станков.

— Азарнов, — произнёс кто-то за его спиной. Кир обернулся и увидел мужчину лет двухсот на вид, с холёным лицом, гладко выбритым, и неестественно белыми зубами, которые могли быть либо результатом дорогой регенерации, либо признаком того, что их обладатель никогда в жизни не дрался в клинковом бою. На лацкане его пиджака красовался значок в виде песочных часов — знак принадлежности к Счётной палате Хронос-Конкордата. — Я следил за

вашей дуэлью. Впечатляет. Особенно удар головой. Нестандартно. Кодекс такого не запрещает, но мало кто решается.

— Благодарю, — ответил Кир, не зная, что ещё сказать.

— Меня зовут Ламберт. Руфус Ламберт. — Мужчина протянул руку, и Кир машинально пожал её, отметив, что ладонь у Ламберта мягкая, без единой мозоли. Такую ладонь мог иметь только тот, кто никогда не держал оружия. — Я представляю Счётную палату. Мы занимаемся аудитом хронос-фондов. Ваш баланс после дуэли — семьсот семьдесят один год, верно?

— Верно.

— Отличный старт для новичка. — Ламберт улыбнулся, но его глаза оставались холодными, оценивающими. — Знаете, многие дуэлянты вашего уровня предпочитают не просто хранить годы на счету, но инвестировать их.

— Инвестировать? — Кир нахмурился. Он слышал о такой практике, но никогда не вникал в детали. В его мире годы были либо твоими, либо чужими, либо ничьими — и третьего не давалось.

— О да. Хронос — это не просто валюта. Это актив. Вы можете положить часть баланса в хронос-банк под проценты. Доходность — около трёх-четырёх процентов годовых, что в пересчёте на ваш текущий баланс составляет около двадцати-тридцати лет ежегодно. Без всяких дуэлей. Без риска. Просто проценты. — Ламберт наклонился чуть ближе, понижая голос, словно доверял Киру коммерческую тайну. — Счётная палата сотрудничает с рядом частных фондов. Если захотите обсудить детали — у меня есть для вас предложение. Девятьсот лет к концу года без единого выстрела. Как вам такая перспектива?

Кир посмотрел на свои руки — те самые, сбитые в кровь три года назад, покрытые мозолями теперь, державшие рукоять «Картеля» и гладиуса с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать. Девятьсот лет без единого выстрела. Это звучало как насмешка. Или как фантастика.

— Я подумаю, — сказал он нейтрально.

— Конечно, конечно, думайте. — Ламберт извлёк из кармана визитную карточку — тоже бумажную, настоящую — и протянул Киру. — Свяжитесь со мной, когда будете готовы. И помните: настоящие победители не те, кто убивает, а те, кто приумножает.

Он растворился в толпе прежде, чем Кир успел ответить. Визитка осталась лежать на ладони: «Руфус Ламберт, старший аудитор Счётной палаты Хронос-Конкордата», и ниже — номер коммуникатора. Кир хотел выбросить её, но передумал и сунул в карман. Мало ли что.

Он двинулся дальше по залу, лавируя между группами гостей. Разговоры вокруг становились всё более причудливыми. Двое мужчин обсуждали, выгоднее ли вкладывать хронос в колонизационные облигации или в клановые дуэльные фонды. Женщина в алом платье, с чипом, горевшим почти белым — признак баланса за десять тысяч лет, — рассказывала кому-то, что приобрела «контрольный пакет» одного из дуэлянтов первой лиги и теперь получает пять процентов от всех его побед. «Он дерётся, я инвестирую, — говорила она, — это идеальное разделение труда». Кир слушал её, и внутри него закипала холодная, почти бесстрастная ярость. Значит, вот как это устроено. Вот куда утекают двенадцать процентов нотариального сбора. Вот кто живёт по тысяче лет, ни разу не взяв в руки оружия. Инвесторы. Аудиторы. Держатели контрольных пакетов.

— Вы выглядите так, будто хотите кого-то вызвать на дуэль прямо здесь, — раздался голос слева. — Не советую. Это нарушение этикета, а командующий не прощает нарушений этикета в своём доме. Один гость два года назад бросил перчатку в обеденном зале — теперь его чип висит в рамке над камином командующего. В буквальном смысле.

Кир повернулся. Перед ним стоял пожилой мужчина в скромном, почти неброском костюме, без нашивок и значков, если не считать единственной детали — браслета биохрон-чипа старого образца, модели, которую перестали выпускать лет пятьдесят назад. Его лицо было изрезано морщинами, но глаза смотрели живо, цепко, с той особой внимательно-

стью, которая выдавала человека, привыкшего подмечать детали. Баланс на его чипе горел тусклым золотом — около девятист лет, не больше.

— Доктор Тайрус Арис, — представился он, протягивая руку. — Социолог. Бывший сотрудник Департамента демографического планирования. Ныне — частный консультант, что на языке Конкордата означает «пенсионер, от которого постарались избавиться, но не смогли заткнуть ему рот».

Кир пожал его руку. Ладонь Ариса была сухой, с длинными пальцами — рука человека, который много писал или печатал, но не держал оружия.

— Кир Азарнов.

— Я знаю, кто вы. Я слежу за молодыми дуэлянтами. Это профессиональная деформация. — Арис взял с подноса два бокала шампанского, один протянул Киру. — Вы третий новичок за этот год, который убил противника старшего класса на первой же дуэли. Первый погиб через неделю — не рассчитал силы. Второй ушёл в колонию — решил, что с него хватит. Вы — третий. И вы ещё здесь.

— Вы следите за мной?

— Я слежу за системой. Вы — часть системы. — Арис отпил шампанского, и его глаза на мгновение затуманились, словно он смотрел не на Кира, а куда-то сквозь него. — Скажите, Азарнов, вам никогда не казалось, что всё это — дуэли, вендетты, хронос-баланс, нотариальные сборы — подозрительно хорошо отлажено?

— Это результат Уравнения Равновесия. Так говорят в школе.

— В школе говорят многое. — Арис усмехнулся, и усмешка эта была горькой, как лекарство. — Я знаю, потому что я сам писал некоторые из этих учебников. Тридцать лет назад. Потом я перестал их писать и начал задавать вопросы.

— Какие вопросы?

— Например, почему лучшие дуэлянты, накопившие больше десяти тысяч лет, никогда не теряют свой баланс, даже когда проигрывают? Почему стабилизационный фонд, куда уходят двенадцать процентов со всех дуэлей, имеет право инвестировать хронос в частные корпорации, которыми владеют те же люди, что заседают в Большом совете Конкордата? Почему рейтинговая система устроена так, что дуэлянты классов 1-А и 1-В почти никогда не встречаются друг с другом в кругу, но зато регулярно встречаются с новичками, которые не могут им противостоять? — Арис сделал паузу. — И главный вопрос: почему за тридцать лет действия Кодекса средняя продолжительность жизни на Земле составила не триста лет, как обещано, а сорок семь?

Кир молчал. Он смотрел на свой чип, пульсировавший янтарём, и впервые задумался не о том, сколько лет он прибавил, а о том, сколько лет потеряли все, кого он знал. Яра — двадцать три. Отец — сто сорок с чем-то, но это было давно, и он не помнил точных цифр. Инструкторы, одноклассники, случайные знакомые. Сорок семь. Средняя продолжительность жизни — сорок семь.

— Вы думаете, что накапливаете время, — сказал Арис, и его голос прозвучал мягко, почти печально. — Но на самом деле вы его перекачиваете. Наверх. Туда, где сидят люди вроде Ламберта, который только что предлагал вам инвестировать ваш хронос в его фонд. И знаете, что самое смешное? Если вы вложите в его фонд, он будет зарабатывать на вас дважды: сначала как аудитор, который получает свой процент с нотариального сбора, а потом как управляющий, который снимает сливки с ваших инвестиций. А вы будете рисковать жизнью. И однажды вы проиграете — потому что рано или поздно проигрывают все, кроме тех, кто не дерётся вообще, — и тогда ваши годы вернутся в систему, чтобы их перераспределили среди тех, кто никогда не рисковал.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил Кир. Его голос прозвучал глухо, как тогда, в нотариальной конторе.

— Потому что у меня есть информация, которая может вам помочь. Не победить — в этой системе победить невозможно. Но выжить. И, возможно, понять. — Арис допил шампанское и поставил бокал на поднос. — Я знаю, что ваш следующий противник — Ролан Зар-Танин. Это очень серьёзный боец. Против него у вас почти нет шансов, если вы будете играть по правилам. Но я знаю о нём кое-что, чего нет в официальных рейтингах. Кое-что, что может дать вам преимущество.

— Почему вы хотите помочь мне?

— Потому что вы — точка входа. — Арис посмотрел на Кира в упор, и в его выцветших глазах мелькнуло что-то, похожее на отчаянную решимость. — Через вас я могу передать в клановую систему данные, которые разрушат её изнутри. Вернее, не разрушат — но дадут трещину. А трещина — это начало. Вы спрашивали, зачем я это делаю. Отвечу: я делаю это, потому что тридцать лет назад я помог создать чудовище, а теперь пытаюсь его остановить. Поздно, конечно. Но я пытаюсь.

Он замолчал. Вокруг них шумел приём, звенели бокалы, смеялись гости, и голос диктора на огромном голографическом экране в дальнем конце зала зачитывал вечерний выпуск новостей — очередную сводку о росте вендеттной активности и стабильности хронос-фонда. Кир стоял, оглушённый, и чувствовал, как где-то внутри него рушится картина мира, которую он строил девятнадцать лет. Школа. Тренировки. Яра. Дуэль. Чип на запястье, который пульсирует золотом и который он считал своей собственностью. А теперь выясняется, что он не владелец своих лет, а всего лишь курьер, доставляющий чужое время с одного счёта на другой.

— Что вам нужно от меня? — спросил он наконец.

— Пока — ничего. Просто запомните наш разговор. — Арис вытащил из кармана небольшой чип-накопитель, старый, с потёртым корпусом, и незаметно сунул его Киру. — Здесь — данные. Не смотрите сейчас. Дома. Запаролено вашим идентификационным номером. Когда поймёте, что с этим делать, — свяжитесь со мной. Мой контакт на чипе.

— Почему я должен вам верить?

— Не должны. — Арис улыбнулся, и на этот раз его улыбка была почти доброй. — Но вы уже чувствуете, что что-то не так, верно? Вы убили женщину, которая убила вашу сестру. Это должно было принести облегчение. Но не принесло. Вы получили её годы. Это должно было сделать вас богаче. Но вы не чувствуете себя богаче. Вы стоите посреди зала, полного людей, у которых на запястьях горят тысячи и тысячи лет, и вы единственный, кто смотрит на них с отвращением. Я прав?

Кир ничего не ответил. Он сжал чип-накопитель в кулаке и почувствовал, как острые края впиваются в ладонь.

— Я знаю, что прав, — закончил Арис. — Потому что тридцать лет назад я стоял на таком же приёме и чувствовал то же самое. Только мне понадобилось двадцать лет, чтобы начать действовать. У вас, боюсь, такого времени нет. Ролан Зар-Танин не будет ждать двадцать лет.

Он повернулся и исчез в толпе так же незаметно, как появился. Кир остался стоять с чипом в кулаке и смотрел, как гости приёма продолжают обсуждать свои балансы, свои инвестиции, свои рейтинги. Где-то в глубине зала хлопнула пробка шампанского, и этот звук был похож на выстрел.

Кир разжал кулак. Чип-накопитель был старым, с царапинами на корпусе, и походил на те устройства, что использовали ещё до изобретения биохрон-чипов, — архаичная технология, которую почти невозможно отследить в сети Конкордата. Он убрал его в карман, туда же, где лежала визитка Ламберта. Два предложения за один вечер. Одно — от человека, который хотел его использовать. Другое — от человека, который хотел его спасти. И оба они, по сути, предлагали одно и то же: выжить в системе, которая не была рассчитана на выживание.

Он поставил нетронутый бокал на поднос и направился к выходу. Никто не обратил на него внимания — здесь привыкли, что гости приходят и уходят. Охрана у ворот вежливо

козырнула. Такси ждало его у тротуара, и дождь, который не прекращался уже несколько дней, всё так же барабанил по крыше машины.

Дома Кир вставил чип-накопитель в планшет и ввёл свой идентификатор. Экран мигнул и развернул перед ним папку с файлами. Заголовок первого гласил: «Уравнение Равновесия: внутренний аудит Счётной палаты, копия номер четыре. Гриф "Совершенно секретно"». Дата — десять лет назад. Количество страниц — три тысячи четыреста. Кир начал читать.

Через час он понял, что Арис был прав.

Через два часа он понял, что ему конец.

Центр записи колонизационной программы «Новый Исход» занимал бывший выставочный павильон на окраине Хронос-Центрального — гигантское сооружение из стекла и стали, когда-то служившее для демонстрации достижений науки и техники, а теперь переоборудованное под бесконечные очереди, регистрационные стойки и медицинские боксы. Огромный голографический плакат над главным входом изображал зелёные холмы под чужим солнцем, и надпись внизу гласила: «Вердант ждёт тебя. Новая жизнь без Кодекса. Без дуэлей. Без страха». Плакат выцвел по краям — он висел здесь уже лет пять, с тех пор как колонизационная программа перешла из стадии эксперимента в стадию конвейера, и за эти годы через павильон прошли миллионы людей, и многие из них уже никогда не вернулись ни на Землю, ни откуда бы то ни было.

Лина Азарнова стояла в очереди вместе с мужем, Давидом, и двумя детьми — мальчиком десяти лет и девочкой семи. Очередь тянулась от главного входа, огибала павильон по периметру и уходила куда-то в боковую улицу, где терялась за рядом пластиковых ограждений. В ней стояли люди всех возрастов, всех кланов и всех состояний: мужчины с пустыми кобурами (оружие требовалось сдать на входе, и многие прощались с ним, как с частью тела), женщины с детьми на руках, старики с обнулёнными чипами, которым уже нечего было терять, подростки, ещё не получившие дуэльную лицензию, но уже достаточно взрослые, чтобы бояться её получить. Гул голосов стоял над толпой, как гул пчелиного роя, и в этом гуле то и дело вспыхивали отдельные слова: «квота», «Вердант», «медкомиссия», «заморозка», «хронос».

— Мама, а там правда нет дуэлей? — спросила девочка, дёргая Лину за рукав. Её звали Аня, и она была слишком мала, чтобы помнить отца Лины, погибшего на ристалище за год до её рождения, но достаточно выросла, чтобы понимать: слово «дуэль» произносится в их семье шёпотом, и после него всегда наступает тишина.

— Правда, — ответила Лина, наклоняясь к дочери. Её голос звучал ровно, но внутри всё дрожало — от усталости, от надежды, от страха, что в последний момент что-то пойдёт не так. — На Верданте нет дуэльного кодекса. Там люди не убивают друг друга за годы. Там вообще нет хронос-баланса.

— А зачем тогда они там живут? — спросил мальчик, Кирилл, не по годам серьёзный, с отцовскими тёмными глазами и материнской складкой между бровей. — Если нельзя копить годы, зачем жить?

— Чтобы жить, — сказал Давид, и в его голосе прозвучала та усталая убеждённость, которая появляется у человека, много раз объяснявшего себе самому, почему он принял решение. — Просто жить. Растить вас. Строить дом. Сажать пшеницу. Не считать, сколько лет у тебя на запястье, а считать, сколько деревьев ты посадил. Там это важнее.

Кирилл недоверчиво хмыкнул, но ничего не сказал. Он родился в мире, где ценность человека измерялась годами на чипе, и, хотя ему ещё не исполнилось двенадцать — возраст получения первой дуэльной лицензии, — он уже впитал эту логику с молоком матери. Вернее, с молоком школьных обедов, потому что Лина перестала кормить его грудью в год, когда погиб

её отец, и с тех пор в доме не было ни одного разговора, который не касался бы дуэлей и клановых рейтингов.

Очередь продвинулась на несколько метров. Лина перехватила сумку поудобнее — в ней лежали документы, немного личных вещей и запечатанный конверт с прощальным письмом для матери, которое Лина написала три дня назад и так и не решилась отправить. Мать не одобряла её решение. «Ты предаёшь клан, — сказала она, когда Лина впервые заговорила о колонии. — Ты отказываешься от долга крови. Твой отец погиб от руки Мирзоевых, и твой долг — отомстить, а не бежать на край вселенной». Лина тогда ответила, что её долг — сохранить жизнь своим детям, и что месть не вернёт отца, а только умножит мёртвых. Мать не разговаривала с ней с тех пор. Такое случалось в кланах всё чаще — раскол между теми, кто оставался верен вендетте, и теми, кто выбирал Исход. Семьи распались. Братья вызывали братьев на дуэли. И Конкордат смотрел на это с одобрением: каждый раскол означал новую вендетту, а каждая новая вендетта — ещё один виток хронос-кровопускания.

— Следующие! — раздался голос из динамика, и очередь дёрнулась вперёд. Лина, Давид и дети миновали входные двери и оказались в огромном зале, где стояли ряды пластиковых стульев и работали регистрационные стойки. Запах антисептика здесь был сильнее, чем в больнице. Под потолком висели голографические табло с номерами очередей, и каждые несколько минут механический голос объявлял очередной номер и направлял его обладателя к одной из стоек.

Лина получила номер 2847. Ждать предстояло около двух часов. Она усадила детей на свободные стулья, Давид достал из сумки бутерброды — синтетический хлеб, синтетический сыр, ничего настоящего, но дети были голодны и съели их без жалоб. Лина смотрела на них и думала о том, что через несколько месяцев, если всё пойдёт по плану, они будут есть настоящий хлеб, выращенный в земле Верданта, и пить воду, которая не пахнет рециркуляцией, и дышать воздухом, в котором нет пороховой гари. Она знала, что Вердант опасен. Знала про лиловую плесень, про шипастых ползунов, про нехватку оборудования и перебои со связью. Но всё это было ничем по сравнению с тем, от чего она бежала.

— Номер две тысячи восемьсот сорок семь! — объявило табло. — Сектор регистрации «Гамма», стойка девять.

Лина поднялась. Давид взял Аню на руки, Кирилл вцепился в отцовскую штанину. Они прошли через турникет и оказались перед стойкой, за которой сидела молодая женщина в форме Колонизационного корпуса — серый комбинезон, на лацкане значок в виде планеты, окружённой колосьями. Её чип горел тусклым голубым — значит, она уже прошла заморозку и больше не участвовала в хронос-экономике. Лине это показалось хорошим знаком.

— Семья Азарновых? — спросила регистраторша, сверившись с планшетом.

— Да. Лина Азарнова, супруг Давид Азарнов, дети Кирилл и Анна.

— Документы.

Лина выложила на стойку четыре идентификационные карты. Регистраторша проверила каждую, прикладывая к считывателю, и на голографическом экране над стойкой одна за другой вспыхнули строки биохрон-данных. Лина: 187 лет 3 месяца 8 дней. Давид: 201 год 7 месяцев 21 день. Кирилл: 11 лет 2 месяца 4 дня. Анна: 7 лет 9 месяцев 18 дней. Суммарный баланс семьи составлял чуть больше четырёхсот лет — скромно по меркам клана Азарновых, но достаточно, чтобы получить разрешение на колонизацию. Требовалось не менее ста лет на взрослого, и они проходили.

— Причина подачи заявки?

— Добровольное переселение в рамках программы «Новый Исход», — ответила Лина.

— Отказ от дуэльного права. Отказ от клановой вендетты. Отказ от хронос-экономики.

Регистраторша подняла глаза, и в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Вы осознаёте, что по прибытии на Вердант ваши биохран-чипы будут заморожены, а право на передачу, получение и накопление хронос-остатка — аннулировано? Вы осознаёте, что обратный билет не предусмотрен и что в случае нарушения колониального устава вы подложите юрисдикции колониального совета, а не Хронос-Конкордата?

— Осознаю.

— Вы осознаёте, что средняя продолжительность жизни в колониях типа «Вердант» составляет сорок семь лет, что значительно ниже земной, и что медицинское обслуживание в колониях ограничено?

— Осознаю. — Лина произнесла это слово и почувствовала, как внутри разливается странное, почти забытое тепло. Сорок семь лет. Меньше, чем она прожила бы здесь. Но эти сорок семь лет она проживёт сама, а не будет ждать, пока их у неё заберут.

Регистраторша кивнула и сделала пометку в планшете.

— Тогда проходите в медицинский сектор. Комната четырнадцать. Там вам проведут предварительную заморозку чипов и сделают прививки от вердантских патогенов. После этого — инструктаж по технике безопасности и распределение по транспортным партиям. Ближайший рейс на Вердант отправляется через двенадцать дней. Если пройдёте медкомиссию, будете на нём.

Медицинский сектор оказался длинным коридором с рядом дверей, за каждой из которых жужжали сканеры и пахло дезинфекцией. В комнате четырнадцать семью встретил медик — немолодой мужчина с усталым лицом и чипом, горевшим голубым, как у регистраторши. Он усадил детей на кушетку, проверил их рефлексy, взял кровь из пальца — стандартная процедура, которую проходили все колонисты.

— Чипы будем замораживать сейчас или на орбите? — спросил он, обращаясь к Лине.

— А в чём разница?

— Если сейчас — вы покинете здание с голубым сигналом, и любой, кто увидит вас на улице, поймёт, что вы «исходник». Некоторые на это реагируют... нервно. Если на орбите — процедура пройдёт на борту транспорта, и до старта вы будете выглядеть как обычные граждане. Но имейте в виду: до старта вы остаётесь в юрисдикции Кодекса. Любой может вызвать вас на дуэль, и вы не имеете права отказаться.

Лина переглянулась с Давидом. Он едва заметно кивнул.

— Замораживайте сейчас. Мы не хотим больше быть «обычными гражданами» ни минуты.

Медик пожал плечами, достал из шкафа портативный программатор и попросил всех четверых вытянуть запястья. Процедура заняла меньше минуты. Лина почувствовала лёгкое покалывание, потом её чип мигнул и из янтарного стал бледно-голубым — цветом замороженного хроноса. Она посмотрела на мужа, на детей: их чипы тоже горели голубым, ровным, спокойным светом, который ничего не требовал и ничего не обещал.

— Вот и всё, — сказал медик, убирая программатор. — Теперь вы вне системы. Ваши годы останутся при вас, но вы не сможете их передать, получить или потерять в дуэли. Когда умрёте — они просто сгорят. Конкордат их не получит.

— Именно этого мы и хотим, — сказала Лина.

Она вышла из медицинского сектора, ведя детей за руки, и впервые за много лет почувствовала, что земля под ногами стала чуть твёрже. Давид шагал рядом, улыбаясь — той самой улыбкой, которую она полюбила когда-то и которую не видела с тех пор, как погиб её отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.